

С. В. Голикова

СЕЗОННЫЕ ДЕТСКИЕ ПРИЮТЫ-ЯСЛИ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.*

Социальная работа с детьми направлена на оказание «терапии, помощи, реабилитации и социальной защиты» тех, кто особенно нуждается в помощи¹. Создание института призрения детей как социокультурный показатель развития общества стало одним из достижений модернизации. Социально-бытовая сторона этого процесса исследователями, как правило, не проблематизируется, хотя роль социальных служб в модернизационных преобразованиях была не столь однозначной, как, например, роль образования или здравоохранения. Будучи проявлением прогрессивного, гуманного модернизационного начала, их появление оказалось также связано с издержками модернизирующихся обществ — с ростом числа социально незащищенных лиц (в том числе детей). Уход за детьми стал восприниматься как социальная проблема, однако он не подпадал ни под одну из существующих институциональных категорий в сферах здравоохранения, образования или благосостояния. Со временем социальное обеспечение детей было административно и концептуально определено как *специализированная служба*. Появление институтов охраны детства показало готовность социума взять на себя часть ответственности за детей.

Таким образом, в процессе модернизации произошло осознание важности социальной работы в обществе, появилась сфера социальной защиты и реабилитации, которые можно рассматривать как инструмент адаптации к новшествам и как средство обеспечения социальной стабильности. Анализ истории социальной работы с подобной точки зрения призван способствовать уяснению особенностей российского варианта модернизации. Актуальность задачи определяется и ее ориентацией на выявление в сознании, поведении людей и в социально-бытовой среде качественных перемен, вызванных социализацией — созданием институтов социального обеспечения и защиты детей.

В самом широком смысле под *институционализацией* понимается создание сетей социальной поддержки для детей и их семей. Детские

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 09—01—83108 а/у «Призрение детей на Урале в XVIII — начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты».

учреждения стали рассматриваться как заменитель семьи при ее отсутствии или как необходимая ей временная поддержка. Наряду с призрением детей, оставшихся без попечения родителей, появилась также помощь семьям с детьми: присмотр, патронажные услуги. Она, как правило, оказывалась в учреждениях «полного дня» — «колыбельнях», яслях, детских садах. Как и в приютах, уход в них осуществлялся вне дома — в центре, находящемся под государственным или частным контролем. Перемены состояли в том, что семьи, оставаясь *первичным институтом социализации* подрастающего поколения, стали заниматься воспитанием детей, разделяя ответственность с множеством заинтересованных *вспомогательных* социальных институтов. Таким образом, история распространения детских учреждений оказалась тесно связана с эволюцией семьи. И мы вправе предположить, что особо сильное давление этих новых веяний семейные институты должны были испытывать в городах и промышленных районах, особенно на Урале. Однако парадокс заключается в том, что предыстория детских садов и яслей началась в сельской местности края, и главной причиной их появления стала не заброшенность детей в связи с занятостью матерей на производстве, а *борьба с детской смертностью*.

Принято считать, что традиционная семья в силу разнообразного (по полу и возрасту) состава сама справляется с уходом за детьми. Демографы склонны полагать, что ее организация по сравнению с современной семейной ячейкой является более оптимальным вариантом для выхаживания детей. Однако показатели детской смертности (в уральских Пермской и Вятской губерниях они были самыми высокими по России) свидетельствуют об обратном². Важным периодом жизни крестьянина было так называемое «страдное» время — сенокос, жатва, сбор урожая, упустить которые означало голодную смерть. В условиях, когда «день год кормит», вопросы воспроизводства страдали больше всего: женский организм — от напряженной работы, дети — от отсутствия заботы о них. Они были обречены на летние страдания по семейным обстоятельствам. Так, мать золотушного ребенка из Малмыжского уезда в 1899 г. «чуть не со слезами» просила надзирательницу Мещерякову принять ее мальчика в приют, организованный в их селении. Его отец уехал на заработки в Пермскую губернию, а ей нужно жать. «Пожалей ты меня, прими Христа ради, развяжи мне руки», — умоляла женщина. Та сомневалась, поскольку малыш был очень истощен и почти ничего не ел, кормить его приходилось насильно. «Он настолько худ, — писала Мещерякова о своем подопечном, — что страшно взять его на руки, так и думаешь — все кости переломятся. На вид ему можно дать не больше двух месяцев, а ему год; только два зуба, торчащие в нижней челюсти, придают ему какой-то старческий вид»³.

Складывается впечатление, что русская традиция, в отличие от «инородческих», как бы не видела проблемы и не пыталась ее решить собственными средствами. По сравнению, например, с народами Поволжья (вотяками, черемисами) и мусульманами у русских не было принято или принято кое-где брать детей с собой в поле. Матери оставляли их дома, поручая подросткам братьям и сестрам или представителям старшего поколения. Отношения к последним характеризуются поговоркой, записанной доктором А. В. Селивановым: «Зимой старуху убил бы, а летом купил бы». Кто мог себе позволить, нанимали в качестве няни девочек-подростков. Их кормили целую зиму, чтобы «летом во время страды обеспечить себя прислугой»⁴.

В черемисском селе Большой Китяк Малмыжского уезда Вятской губернии считали, что «пусть он [младенец] будет в поле целый день, хотя и поплачет, но при матери...»⁵. Данную меру следует считать паллиативной: малютки страдали от «полевых условий», но находились под каким-то присмотром, что снижало детскую смертность. По подсчетам демографа М. П. Птухи, эти показатели у русского населения оказались выше, чем у народов с более низким уровнем жизни⁶. «У башкир ни кола, ни двора, — замечал по этому поводу Н. А. Русских, — а процент детской смертности ниже»⁷. В своем докладе на X съезде врачей и представителей земств Пермской губернии в 1910 г. он ограничился этим кратким эмоциональным замечанием, опираясь на богатые статистические материалы предыдущего подобного собрания. Тогда (в 1907) известный практик приютского дела А. В. Селиванов огласил общегубернские данные за 1891—1898 гг. Смертность в возрасте до года составляла у «магометанского населения» 15,57 %, а у православного — 42,57 %⁸. Докладчик из Шадринского уезда М. И. Копосов отмечал, что «башкиры, мещеряки, безусловно, беднее православного населения, между тем смертность и заболеваемость грудных детей от летних поносов среди них ничтожна»⁹. У татар Кунгурского уезда, по данным А. Н. Нелюбина, в летние жаркие месяцы показатели детской смертности вообще приближались к минимуму¹⁰.

В качестве выхода из положения медики предложили организовать летние ясли-приюты. «Мера, самая рациональная и самая необходимая для Чердынского уезда, — писал в 1883 г. доктор М. М. Чашницкий, — чтобы сколько-нибудь уменьшить детскую смертность, — это устройство колыбелен. Мера эта уже давно практикуется в Царстве Польском и приносит видимую громадную пользу; в нынешнем году генерал-губернатор распорядился распространить колыбельни по всем губерниям края, и мера эта рекомендуется и врачами в других местах России. Мера принесла бы громадную пользу и была бы большим благодеянием для деревни»¹¹.

Ситуация обострялась в годы неурожая, голода и эпидемий, которые часто выпадали на долю российской пореформенной деревни. Не случайно статья выдающегося борца с детской смертностью на Урале Н. А. Русских об устройстве приютов появилась в начале 1890-х гг.¹², памятных по «народному бедствию от неурожая во многих губерниях». Для оказания помощи населению губерний, пострадавших от неурожая 1898 г., Попечительством о домах трудолюбия и работных домах в Малмыжском уезде Вятской губернии было организовано 15 яслей-приютов. Результаты их деятельности были обобщены заведующим П. Ганзеном и увидели свет в трех книжках журнала «Русская мысль» за 1900 г.¹³ К этому времени создание сезонных детских учреждений перешло из разряда экстраординарных мероприятий в повседневную практику. Сведения о них появились на страницах «Санитарного обзора Пермской губернии». Данный вопрос обсуждался в «Трудах съездов врачей и представителей земств Пермской губернии» 1907 г. и в подготовительных материалах к нему¹⁴. С 1910-х гг. информация о детских приютах и яслях регулярно публиковалась в отчетах уездных земств «по медицинской части».

Подобные источники дают возможность рассмотреть историю возникновения и функционирования сезонных детских приютов в дореволюционной уральской деревне. Медицинские издания, как правило, обсуждали организационные и гигиенические аспекты деятельности этих учреждений. В большинстве случаев материал о них представлен в сжатом виде. Исключением служит статья Н. А. Русских, в которой даны практические рекомендации и подробные разъяснения по следующим вопросам: требования к помещению для приюта; возраст, с которого дети могут быть приняты в приюты; кому должен быть поручен общий и медицинский надзор за приютами; где следует лечить больных детей; пища и одежда для детей. Обсуждение данных проблем продолжила обстоятельная работа П. Ганзена, которого интересовала «возможно правильная постановка дела», прежде всего среди населения, и ясли в Малмыжском уезде он рассматривал как «примерный опыт» для дальнейшего развития в России этого «истинно христианского и имеющего высокое культурное значение учреждения». По его мнению, «крайне желательно было возможно подробнее проследить весь ход его, включая сюда неудачи и промахи». С этой целью П. Ганзен предложил надзирательницам яслей «вести особые записки» по составленной им программе, которую дополнял новыми, «возникавшими с развитием дела вопросами». Те «не отказались от этого необычного для них труда и добросовестно выполнили его, движимые горячей любовью к делу». В результате он получил 15 дневников, в которых был собран богатый материал, и обработал его согласно имеющемуся вопроснику. Первая часть его исследования называлась «Под-

готовительные работы и первые впечатления по открытию яслей-приютов», вторая — «Уход за детьми», третья — «Игры и занятия детей. Отношение детей к яслям и к надзирательницам», четвертая — «Отношение к яслям и надзирательницам со стороны крестьян и местной интеллигенции». В заключении автор задавался вопросом «Чему учат ясли?». Его данные «ярко освещают новое дело». Голоса надзирательниц, нянь, родителей, детей и еще многих и многих других звучат в полную силу из обильно цитируемых на страницах публикации дневников, проявляя ее антропологическую и социокультурную направленность, которая помогает прояснить «скупые» материалы других источников.

Н. А. Русских писал о принципах организации учреждений, где детей могли бы оставлять только в течение дня, уже в самом начале их существования. По сути, предвосхищая их устройство, он мог опираться на опыт функционирования постоянных приютов и собственную практику заведования по поручению екатеринбургской уездной земской управы временным приютом, который в голодный год был устроен на средства П. М. Ошуркова. Учитывая данную информацию, врач предложил типологию детских учреждений, которая действует до настоящего времени¹⁵. «Все учреждения, имеющие целью призрение детей, могут быть, по нашему мнению, разделены на следующие три группы: а) такие учреждения, при которых призреваемое дитя навсегда или на более или менее долгий срок удаляется из ведения родителей и судьба его всецело зависит от воспитателей; сюда относятся воспитательные дома, приюты для подкидышей, для круглых сирот и проч.; б) учреждения, в которых находят приют себе дети только на время, до известного возраста, причем связь с семьей не нарушается, родители всегда могут или должны взять ребенка обратно и последний вновь подчиняется условиям семейной жизни; сюда должны быть отнесены различные приюты для бедных детей. Сюда же могут быть причислены так называемые ясли, где дети оставляются только в течение дня; наконец, в группу в) должны относиться учреждения, имеющие специальное назначение только для приема известных лиц, как то: приюты для слепых, глухонемых, рахитиков, санитарная колония для учащихся и проч.»¹⁶. Таким образом, Н. А. Русских выделил ясли в особую организационную структуру, входящую во вторую группу детских учреждений, посвятив свою статью описанию именно ее устройства. «В настоящее время нас более должна интересовать вторая группа учреждений», — отмечал он.

Однако проект по созданию временных приютов еще предстояло воплотить в жизнь. Поскольку это задумывалось как мера помощи семье, то организаторам следовало учитывать значение этого института в традиционной системе ценностей. История возникновения летних яслей-приютов показывает, что даже осторожные шаги поддержки семей встречали со-

противление, поскольку расценивались как вмешательство в частную жизнь людей. Открытие яслей ставило перед семьей проблему выбора. Надзирательницы приютов в Малмыжском уезде Вятской губернии поголовно отмечали «жалостливость, привязанность к детям, боязнь доверить родное дитя чужим людям», несмотря на чрезвычайную занятость сельхозработами, страду, последствия неурожая и другие негативные моменты деревенской жизни. Доходило до крайности: жительница села Большой Китяк, например, заявила, что пусть у нее будет хоть 10 человек, и то она никогда не отдаст детей чужим. Встречались случаи сопротивления и со стороны отцов. «У одной женщины, — сообщала Александра Филиппова о селе Рожки, — муж ни за что не согласился отдать своих детей, не доверяя их чужим рукам, хотя из-за двух малышей мать не ходит на работу, а достатков у них нет».

Особенно трогательно выражало свои чувства инородческое население. Черемисы из села Рожки, коверкая русские слова, добавляли: «Больно... скучат без матери, ревет больно, matka всем надо». С ними были согласны татары: «Да как баранчук (ребенка. — С. Г.) не жалко отдавать. У кого мать нет, ладно, а мать есть, не годится; плоха мать»¹⁷. «Привязанность детей вотяков к родителям, братьям и сестрам, — отмечала надзирательница Анна Филиппова, — развита в высшей степени. С какими горькими слезами остаются дети от своих родителей...». «...Одних можно было утешить игрушками, сушками, сахаром и т. п., но других ничем, — писала она, — забирая даваемые в утешение вещи, они кричали “анай” (мама), отчаянно плакали и бежали к дверям». При попытке увести их от дверей, они «рвались из рук, падали на пол, бились руками и ногами», кусались и царапались. В таких случаях приходилось возвращать их родителям. Об аналогичной практике рассказывала надзирательница из черемисского села Рожки. «Много вредили и сами матери, — писала она. — Возьмешь ребенка, успокоишь, а они опять вернутся посмотреть, как и отчего он утих, и опять все испортят. Ребенок увидит мать и поднимет страшный крик». Такие возвращения нередко заканчивались тем, что детей забирали и больше не приводили¹⁸. Учительница земской школы из вотяцкого селения Кобедяева, возглавлявшая летний приют в черемисском селе Большой Китяк, замечала: «Насколько мне пришлось убедиться за время открытия яслей, черемисы, как и вотяки, жизнь которых я знаю, очень любят своих детей... вотьяк или черемисин, он сам постоит не один час, посмотрит, не обидят ли, а потом спросит, останется ребенок или нет, и часто бывает, чем бы сразу отдать ребенка, приводят его по несколько раз в школу, так и теперь в ясли. Чуть ребенок закапризничает, его уже не оставят...»¹⁹.

«Нужно приучить еще народ к яслям, ибо иная мать не отдаст ребенка и в ясли или в приют, почему нужно сначала разъяснить ей всю пользу

яслей, что легче всего сделать “на практике”, ибо несомненно, что приюты-ясли не только понижают детскую смертность, но имеют воспитательное значение для матерей, как гигиено-диетические проводники», — писал в 1905 г., основываясь уже на данных по Ирбитскому езд Пермской губернии, М. Керстен²⁰. Дневники надзирательниц из Малмыжского уезда показывают, каким образом происходило практическое «приучение» деревни к «правильному» (по меркам того времени) уходу за детьми. Все без исключения жители удивлялись чистоте, в которой там содержали детей. «Все-то здесь бело да хорошо, — говорили в селе Большой Китяк, — а у нас закроют грязным сарафаном да сверху-то шубу положат, чтоб не упал». Благодаря приютам население получило «понятие о чистоте», и следует согласиться с Александрой Филипповой, вспоминающей о впечатлении крестьян от содержания младенцев чистыми: «А дома-то, дома-то у нас! — восклицали крестьяне. — У которой в рожке и черви заведутся, а уж кислым-то молоком, поди, все кормили». Как правило, крестьянские дети были «рожковые»: в качестве соски им давался коровий рожок. Жена врача Мартынова, помогавшая в яслях села Селты, писала в дневнике о кормлении из такого рожка трехмесячной больной девочки. В нем было «чуть не на полсантиметра свернувшегося молока». Персоналом приюта этот предмет ухода за ребенком был оставлен у себя «для демонстрации»²¹.

Приходилось вести борьбу также с привычкой «пичканья» детей походя и чем попало. Жители в первые же дни пребывания малышей в яслях решили, что их чад там морят голодом. Еду им давали строго по часам, и какую еду: разбавленное водой молоко (основное предохраняющее от поноса средство того времени). «Какая это пища, молоко с водой и ничего хлебного?» — возмущались крестьяне. Крестьянские ребята не барские, считали в деревне, и с одной «жидкой» пищи сытыми якобы быть не могут. Матери упрашивали кормить грудничков «посытнее»: что означало сушкой, черным и белым хлебом, кашей. «Сегодня одна черемиска, — сообщала надзирательница Кобедяева из села Большой Китяк, — убедительно просила меня не кормить ее ребенка кашей, а только хлебом с сахаром или сушкой...». «Вы уж, пожалуйста, — обращалась к няням другая мать, — доктора-то не слушайте, кормите Гришу-то хоть кашкой!»

«Обычная», по отзывам надзирательниц, история из-за разбавленного молока могла закончиться ссорой и прямой борьбой с обслуживающим персоналом яслей. Александра Филиппова рассказывала о случае в селе Рожки. Мать шестимесячной Анюты из деревни Азелино приехала проведать дочку, увидела, что та похудела, и узнала, что у нее понос. Женщина «начала ругаться, что заморили ее девочку», не выбирая выражения: «Попадись мне ваша-то Александра Петровна на оба глаза, так я

задам ей, как детей морить!»; «Да я и самое-то Александру Петровну, попробуй она только подойти, так отшвырну!»²².

Однако в целом для обозначения состояния детей в яслях крестьяне практически использовали одно и то же выражение: «как в раю». «У меня дома-то она и десятой доли того не видала, что здесь видит», — считала мать годовалой девочки. «И в жизнь не видал бы он такой неги дома», — признавалась другая родительница. Подобные высказывания свидетельствовали о росте у населения доверия к яслям-приютам. «Постоянно приносят подарки, то молока, то сливок, то яиц, вообще каких-нибудь съестных припасов или ягод», — сообщала надзирательница Мещерякова. И далее: «Чем дальше, тем больше бабы одолевают подарками, отказываться прямо нет возможности. Съестное беру и делю между детьми». Таким способом родители старались «оказать содействие яслям» и на возражение заведующих отвечали: «Все равно ведь дома-то наши ребята съели же бы это». Про себя они говорили: «Вот глупые-то были, вначале боялись», а теперь сами другим рекомендуем приюты». «Чуть не каждая из баб спрашивает, до каких пор будут продолжаться ясли...»; «Матери почти все сокрушаются, что ясли скоро кончатся...» — сообщалось в дневниках. «Отойдет уж тогда нам лафа-то!» — справедливо считали деревенские женщины²³. При таком отношении новое учреждение смогло заняться воспитанием сознательного материнства и выполнять консультационные функции. «Убеждаясь в пользе указаний надзирательниц, матери стали внимательнее к их советам, сами просили научить их, как надо готовить молоко для малюток, как и чем лечить, как поступать в таких-то и таких-то случаях. Стали даже приходить за советами и посторонние, то есть матери, не отдавшие детей в ясли».

«Хорошее дело устроили», — сходились во мнении крестьяне. «Какое нынче бабам приволье, — добавляли они, — а то замучаются они в поле-то с ребятами». Конечно в первую очередь «воженье» в яслях «одобралось» бабами. Однако остальные не стояли в стороне. Посетив приют надзирательницы Мальковской, один мужик выразился однозначно: «Дуры наши бабы, и водятся-то с детьми хорошо... а еще не все ведут ребят. Всем бы надо отдать!»²⁴.

Пионером в создании сезонных яслей-приютов выступило Пермское губернское земство. В 1896 г. им было открыто три подобных учреждения, в следующем году — уже двенадцать, одно из них — в селе Верх-Ницинском Ирбитского уезда. Вскоре заведение приобрело «общее доверие населения», и «ввиду большого против ожидания наплыва детей» в августе для него было нанято еще одно помещение. В первый год существования яслей земство ассигновало на них 1757 рублей, во втором году его расходы выросли до пяти тысяч. На верх-ницинский приют было потрачено 467 рублей 12 копеек²⁵. С 1897 г. ведет свое существование лет-

ний приют доктора А. В. Селиванова в селе Новопышминском Камышловского уезда²⁶.

Устраивая летом 1899 г. первые приюты в Вятской губернии, П. Ганзен подчеркивал, что опирался именно на пермский опыт. «Благотворительное учреждение это, благодаря стараниям земства, успело уже пустить прочные корни в Пермской губернии», — писал он. Самое благоприятное личное впечатление возглавляемый им отряд получил, когда, «будучи проездом через город Пермь, не преминул познакомиться с одним из таких учреждений, устроенным для детей недостаточного городского населения». Автор упоминает также о книжке «Деревенские ясли», составленной по распоряжению Попечительства, в котором он служил. На ее страницах получили обобщение почти все печатные данные о подобных заведениях России²⁷. Кроме Малмыжского уезда, Попечительство открыло приюты в Сарапульском и Елабужском уездах Вятской губернии. Его представители активно сотрудничали с местным земством, которое, в свою очередь, охотно предоставляло имеющиеся у него ресурсы (помещения школ, учительские и медицинские кадры) и «вообще оказывало всякое содействие делу», поскольку введение деревенских яслей-приютов в Вятской губернии давно уже являлось его заветной мечтой. «По окончании нашей миссии, — отмечал П. Ганзен, — весь инвентарь наших яслей предполагалось сдать местному земству для продолжения им впредь начатого нами дела»²⁸.

«В некоторых деревнях, — сообщал П. Ганзен, — крестьяне очень желали открытия яслей, даже изъявляли готовность со своей стороны на некоторые жертвы и очень жалели, что обстоятельства лишили их возможности пользоваться этим благим учреждением». «Уж как бы хорошо было, если б у нас открыли», — считали в деревне Низ-Гоньба. Старосты «приводили все доводы» за открытие приютов именно в их обществах. На земском собрании Ирбитского уезда 1900 г. аналогичным образом «все гласные от крестьян высказались за то, что считают ясли полезными для населения уезда». «Благодаря им, — считали местные жители, — бедные одинокие семьи могут, отправляясь на полевые работы, безбоязненно оставлять своих детей в яслях»²⁹.

Пока Вятское земство вникало в новое для него дело, Пермское перевело его в 1899 г. в ведение уездных земств, предоставляя им для этих целей субсидии. По данным А. Штейнфельда, дети в том году призывались в 11 приютах. В 1900 г. подобные учреждения действовали только в 9 селениях. Осинский, Шадринский, Кунгурский, Соликамский уезды не имели их вообще. Летом 1901 г. три приюта-ясли функционировали в Пермском уезде, два — в Чердынском, по одному — в Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Красноуфимском³⁰. В 1900 г. Ирбитское уездное земство приняло постановление об открытии четырех приютов «в

месте нахождения врачей», ассигновав на каждый из них по 200 рублей. Однако летом следующего года удалось организовать такое заведение только в селе Покровском, а еще через год повторить подобный опыт в селе Байкаловском³¹.

Распространение детских учреждений в 1910—1914 гг. можно более подробно рассмотреть на примере Пермского уезда. Летом 1910 г. ясли Юговского завода посещало 64 ребенка, Курашимского — 65 детей. Небольшим (на 10 человек) был приют в селе Култаеве³². В следующем году ясли на 54 человека опять открылись в Юговском и на 50 человек в Курашимском заводах. Тогда же действовал приют в селе Монино. Его посещало 19 детей³³. Через год (летом 1912) продолжали действовать ясли в Курашимском заводе (на 69 детей) и в селе Монино (опять на 19 человек). Возобновил свою деятельность приют в селе Култаево. Подобное заведение первый раз появилось в деревне Чуваковке³⁴. В 1913 г. вновь заработали ясли в Юговском (на 70 человек) и Курашимском заводах. Из села Култаева они переехали за три версты в соседнюю деревню Косотуриху. Появился также приют в селе Верхнем-Муллинском³⁵. В 1914 г. в Пермском уезде действовало пять яслей, в которых призревалось 212 детей, 56 из них еще не достигли годовалого возраста. В Чердынском уезде функционировало четыре приюта на 77 человек. Из них в возрасте до года было 29 ребятишек³⁶.

Приведенные нами данные далеко не исчерпывают список существовавших на селе детских учреждений. Однако они могут дать представление о перипетиях распространении этой формы призрения. Чаще всего летние ясли-приюты устраивало земство. Однако, по словам П. Ганзена, крестьяне Малмыжского уезда уже пытались организовать их сами. Мужики из деревни Шишинеры предложили: «Платить бы сами стали, сложились бы, у кого ребята стали бы ходить». «И на керосин, и на дрова сложились бы, немного и пришлось бы на человека!» — рассуждали они³⁷. Опыт жителей деревни Монино в Пермском уезде свидетельствует, что подобная инициатива не была исключением. Участковый врач в 1912 г. отмечал, что к «созданию собственных рук» они относились с «большим доверием, чем в прошлые годы» к существовавшему здесь земскому приюту³⁸.

Однако для строителей и пользователей критерием успеха яслей были спасенные детские жизни. Случаи смерти их воспитанников находились под неусыпным общественным контролем. Крестьяне, конечно, не подсчитывали процент детской смертности. Для них было важно, чтобы выжили собственные и соседские дети, помещенные в приют. Ответственные же деятели и врачи отстаивали необходимость существования таких учреждений с цифрами в руках. Управа пермского губернского земства в 1896—1897 гг. подсчитала, что показатель детской смертности

в яслях равнялся 2 %. Для сравнения: общий годовой там же достигал обычные 35—40 %³⁹. «Общий процент смертности в яслях Малмыжского уезда, — с гордостью сообщал П. Ганзен, — был настолько ничтожен в сравнении с обычным процентом смертности грудных детей в деревне в страдную пору». Среди 786 детей, посещавших новое учреждение, насчитывалось 267 грудных. Из них умерло всего восемь человек, что составляет 3 %. Обычно же уровень младенческой смертности в страду поднимался до 40—70 %⁴⁰. М. Керстен также признал результаты работы приютов в Ирбитском уезде Пермской губернии за 1897—1901 гг. в целом хорошими. Благодаря им детская смертность от поносов по сравнению с предыдущими годами уменьшилась на 43 %⁴¹. В селении Курашимского завода летом 1911 г. свирепствовала эпидемия поноса «с довольно большой смертностью», тогда как в яслях не было зафиксировано ни одного случая заболевания⁴².

¹ См.: Джованнони Ж. М. Дети // Энцикл. социал. работы. Т. 1. М., 1993. С. 182.

² См. об этом: Голикова С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // ДАИС. Вып. 5. Екатеринбург, 2005.

³ Цит. по: Ганзен П. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. 1900. № 3. С. 150.

⁴ Селиванов А. В. Летние детские ясли-приюты как одна из мер борьбы с детской смертностью в Камышловском уезде // Тр. IX съезда врачей и представителей земств Пермской губернии. Ч. 2 : Доклады съезду. Пермь, 1907. С. 88.

⁵ Ганзен П. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. 1900. № 4. С. 73.

⁶ См.: Птуха М. П. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в. Киев, 1928.

⁷ Русских Н. А. О борьбе с детской смертностью в Пермской губернии // Тр. X съезда врачей и представителей земств... (20—29 мая 1910 года). Ч. 2, Доклады съезду его членов. вып. 2. Пермь, 1910. С. 279.

⁸ Селиванов А. В. Указ. соч. С. 77.

⁹ Копосов М. И. К вопросу о детской смертности // Тр. IX съезда врачей... Ч. 2 : Доклады съезду. Пермь, 1907. С. 61.

¹⁰ См.: Нелюбин А. Н. О детской смертности до 10-летнего возраста в Кунгурском уезде за 1904—1906 года // Там же. С. 67.

¹¹ Чащиницкий М. М. Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь, 1883. С. 49.

¹² Русских Н. А. Санитарные требования в деле призрения детей // Зап. Урал. мед. о-ва. Вып. 2. Екатеринбург, 1893.

¹³ Ганзен П. Указ. соч. // Рус. мысль. 1900. № 3—5.

¹⁴ См.: Керстен М. О детской смертности // Прил. к Зап. Урал. мед. о-ва. Екатеринбург. 1905.

-
- ¹⁵ См.: Уиттэйкер Д. К. Детские дома и приюты // Энцикл. социал. работы. Т. 1. С. 209.
- ¹⁶ Русских Н.А. Санитарные требования в деле призрения детей. С. 45—46.
- ¹⁷ Ганзен П. Указ. соч. // Рус. мысль. 1900. № 4. С. 73—74.
- ¹⁸ Там же. С. 62—63.
- ¹⁹ Там же. С. 73—75.
- ²⁰ Керстен М. Указ. соч. С. 11.
- ²¹ Ганзен П. Указ. соч. // Рус. мысль. 1900. № 3. С. 151; № 4. С. 83; № 5. С. 42.
- ²² Там же. № 3. С. 144—147.
- ²³ Там же. № 4. С. 85—87; № 5. С. 42—44.
- ²⁴ Там же. С. 77—78, 83—84.
- ²⁵ См.: Керстен М. Указ. соч. С. 12.
- ²⁶ См.: Санитарный обзор Пермской губернии за 1901 год. Пермь, 1903. С. 12.
- ²⁷ См.: Ганзен П. Указ. соч. № 3. С. 111.
- ²⁸ Там же. С. 112, 114, 116.
- ²⁹ Керстен М. Указ. соч. С. 12.
- ³⁰ См.: Санитарный обзор Пермской губернии за 1901 год. С. 12.
- ³¹ См.: Керстен М. Указ. соч. С. 12—14.
- ³² См.: Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1910 год. Пермь, 1911. С. 24.
- ³³ См.: Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1911 год. Пермь, 1912. С. 39—40.
- ³⁴ См.: Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1912 год. Пермь, 1913. С. 34—35.
- ³⁵ См.: Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1913 год. Пермь, 1914. С. 37—40.
- ³⁶ Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1916. С. 59.
- ³⁷ См.: Там же. С. 77—79.
- ³⁸ Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1912 год. С. 35.
- ³⁹ Керстен М. Указ. соч. С. 12.
- ⁴⁰ См.: Ганзен П. Указ. соч. № 3. С. 153.
- ⁴¹ См.: Керстен М. Указ. соч. С. 14.
- ⁴² См.: Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1911 год. С. 40.